

Воспоминания об учителях — профессорах московского медицинского университета (1-го московского медицинского института) им. Сеченова

Проф. **А.М. Ногаллер** (выпускник мединститута 1941 г.)

ЧАСТЬ 1. ПРОФЕССОРА, ЧЬИ ЛЕКЦИИ Я СЛУШАЛ СТУДЕНТОМ 1-го Московского медицинского института

В начале октября 1941 г. нам, студентам пятого, последнего тогда курса мед. института, досрочно, в связи с наступлением немецко-фашистских войск на Москву, без гос. экзаменов вручили дипломы врача. Через несколько дней я уже был на фронте, в должности старшего врача артиллерийского полка. Так закончились мои студенческие годы, которые многие считают лучшей порой жизни. Хотя с тех пор прошло почти 75 лет, память сохранила образы учителей в период учебы в институте. О некоторых учителях, известных ученых, лекции которых мне посчастливилось слушать, хотелось бы рассказать в данной статье.

БУРДЕНКО НИКОЛАЙ НИЛОВИЧ (1876–1946) был заведующим кафедрой факультетской хирургии. Кафедра располагалась в большом двухэтажном здании на Большой Пироговской улице. В другой стороне здания находилась кафедра факультетской терапии, возглавляемая профессором М.П. Кончаловским.

В то время Бурденко еще не был ни основателем Академии медицинских наук и Института нейрохирургии, ни генерал-полковником, но являлся известным ученым и хирургом.

Его лекции отличались четкостью изложения, часто сопровождалась демонстрацией больных и рассказом об оперированных им больных из своего большого клинического опыта. Нередко он подшучивал над „маститыми“, по его выражению, соседями — терапевтами, диагноз которых не подтверждался на операции. Мне посчастливилось несколько раз присутствовать на операциях самого Бурденко.

Во время операции он говорил громко, часто поругивал своих помощников. Вспоминается как операционной сестре, подавшей ему иглу с очень длинной ниткой, он воскликнул: „Что ты мне даешь такую длинную нить, аж до Зубовской улицы“ (т.е. до пересечения с Садовым кольцом). Оперировал он быстро и послеоперационный период у оперированных больных протекал обычно без осложнений. Помнится, как во время одной из сложных операций Николай Нилович воскликнул: „Именно на таких операциях зарабатываешь себе инфаркт“.

Как-то наша студенческая группа стояла в коридоре у входа в операционную. Мимо проходил Бурденко. Увидев нас, он спросил: „Что вы здесь стоите?“ Мы ответили, что ожидаем пока

позовут в операционную. Бурденко воскликнул: „Бездельничаете? а вот у меня ни одной минутки свободной нет“ и быстрым шагом пошел дальше по коридору. Эта сцена стоит у меня перед глазами до сих пор.

При кафедре была большая лаборатория, которой руководила профессор Лидия Григорьевна Смирнова. По ее договоренности с Бурденко мне разрешили проводить в этой лаборатории студенческую научную работу. Я состоял в то время в научном кружке при кафедре нервных болезней и мне было поручено исследовать антитоксическую функцию печени у больных паркинсонизмом. В клинике Бурденко в то время находилось много этих больных, которым проводилась нейрохирургическая операция с целью уменьшения тремора. К сожалению, из-за начавшейся войны завершить эту работу мне не удалось.

Вспоминается научная конференция, посвященная награждению мед.института орденом Ленина в 1940 году. Сокращенно институт стал называться с этого времени 1-й МОЛМИ. С яркой речью выступил Н.Н. Бурденко, рассказав об успехах отечественной хирургии, в особенности нейрохирургии. Уже тогда у меня сложилось впечатление на сколько глубокий ум и четкость изложения своих мыслей присущи профессору Бурденко.

Проживал Николай Нилович в „профессорском доме“ мед. института в Долгих переулке, ныне улица Бурденко. Я неоднократно бывал в этом доме пред- и послевоенные годы у своего однокурсника и друга Владимира Виноградова, сына известного терапевта В.Н. Виноградова.

В конце 1944 года я присутствовал на конференции врачей 1-го Белорусского фронта, на которой было зачитано приветствие Главного хирурга Красной Армии Н.Н. Бурденко. В этом приветствии, наряду с пожеланиями успехов, отмечалась необходимость уделить особое внимание молодому пополнению призывников, 1927 года рождения.

Н.Н. Бурденко был не только выдающимся организатором военно-полевой хирургии, но и основателем Академии медицинских наук СССР, первым президентом которой он был избран. Он был награжден многими отечественными и зарубежными орденами и медалями, ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда, почетного академика научных обществ, институтов и академий многих стран.

Умер Николай Нилович 11 ноября 1946 года от повторного инсульта мозга. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Имя Бурденко присвоено многим институтам, госпиталям, клиникам или улицам Москвы, Новосибирска, Нижнего Новгорода, Воронежа, Пензы и Донецка. В город Пенза, на территорию областной клинической больницы, из села Каменка Пензенской губернии, был перенесен дом, в котором 22 мая 1826 г. родился Бурденко. В этом доме был создан мемориальный музей его имени. В Пензе проводятся научные медицинские чтения, посвященные памяти Н.Н. Бурденко.

ГЕРЦЕН ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1871-1947) заведовал кафедрой госпитальной хирургии. Эта дисциплина преподается на пятом курсе мединститута. Немногие студенты знали, что П.А.

Герцен является внуком известного общественного деятеля России, революционера-демократа Александра Ивановича Герцена, чье имя носила одна из центральных улиц Москвы (ныне вновь Большая Никитская). Однако студенты обращали внимание на выраженный французский акцент Петра Александровича, ибо он действительно начал изучать русский язык лишь в возрасте 37 лет. В то же время было известно, что П.А. Герцен является одним из лучших хирургов страны и автором многих оригинальных операций. К сожалению, из-за начавшейся войны мне не довелось прослушать полный курс его лекций.

Петр Александрович родился 26 апреля 1871 года в Италии, во Флоренции. Его отец, Александр Александрович, был врачом-физиологом, Он женился на итальянке из простой крестьянской семьи. Кроме Петра в семье Герценов было еще 9 детей — три дочери и шесть мальчиков. В 1896 году Петр Александрович окончил медицинский факультет Лозаннского университета, после чего работал в клинике знаменитого швейцарского хирурга Цезаря Ру. Через год он защитил докторскую диссертацию в Лозанне. В 1897 году П.А. Герцен решил переехать на родину предков в Россию, где успешно сдал экстерном экзамен за все курсы мед. факультета в Московском университете. Он быстро изучил русский язык, который он прежде не знал, и вскоре приступил к работе в хирургической клинике, руководимой ранее Н.В. Склифосовским. В этой клинике он проработал 22 года с перерывом на службу в армии во время русско-японской войны 1904-1905 гг. в качестве военного хирурга. С 1919 года П.А. Герцен работает в Московском медицинском университете в качестве заведующего кафедрами, вначале оперативной, затем общей хирургии, а с 1934 года — госпитальной хирургии.

П.А. Герцен был хирургом широкого профиля. Он занимался вопросами патологии органов брюшной полости, сердечно-сосудистой системы, мочеполовых путей, травматологии и особенно онкологии. Еще с 1922 года он заведовал клиникой, а затем институтом для онкологических больных — ныне Московский НИИ Онкологии им. П.А. Герцена.

Герценом было предложено 16 оригинальных способов и модификаций хирургических операций. Мне довелось наблюдать больную, которой была произведена операция Герцена-Ру в связи с тяжелым ожогом и последующим стенозом пищевода. Операция Герцена-Ру заключается в создании искусственного пищевода из сегмента тонкой кишки, который располагается под кожей в предгрудинной области.

П.А. Герцен был редактором журнала „Хирургия“, Он был награжден многими орденами и почетными званиями. По его инициативе были созданы онкологические центры во многих городах России. Умер П.А. Герцен 2 января 1947 года, похоронен на Новодевичьем кладбище Москвы.

КОНЧАЛОВСКИЙ МАКСИМ ПЕТРОВИЧ (1875 — 1942) заведовал кафедрой факультетской терапии. Он был одним из самых знаменитых и уважаемых терапевтов страны. К его лекциям студентам персонал готовился особенно тщательно. В аудитории заранее приводили или

приносили на коляске или в постели больных. Максим Петрович отличался крупной фигурой, гордой осанкой, аристократической внешностью с небольшой ухоженной бородкой.

В аудиторию он входил окруженный, обычно, свитой из ассистентов, врачей — ординаторов и практикантов. Свою лекцию Кончаловский начинал с демонстрации больных. Вспоминается начало одной лекции: „Больной бледен, больной худой, его взгляд выражает тревогу“. Профессор подробно излагал историю болезни и жизни больного, данные внешнего осмотра, пальпации, перкуссии и аускультации. На основании изложенных сведений он делал заключение о диагнозе болезни и излагал лечение этого заболевания вообще и особенности терапии у данного конкретного больного. С того времени мне запомнилось указание о необходимости лечить не болезнь, а больного, т.е. с учётом индивидуальных особенностей пациента. Только после изложения клинических данных Кончаловский сообщал о результатах лабораторного и рентгенологического исследования. О стандартах и схемах в диагностике и лечении больных, как это принято сейчас, врачи и студенты в то время не имели понятия. Некоторые студенты пропускали лекции Кончаловского, ошибочно полагая, что ознакомление с опубликованными им учебником по внутренним болезням и книгой „Клинические лекции“ достаточно для подготовки и сдачи экзамена.

У Максима Петровича была большая частная практика. Внешний вид знаменитого профессора, тембр его голоса и рекомендации по лечению уже оказывали благоприятное влияние на пациентов. Рекомендованные им лекарства нередко были более эффективны, чем те же препараты, назначенные участковым врачом, ибо к воздействию медикаментов добавлялся психогенный эффект внушения, веры и надежды.

М.П.Кончаловский почти всю жизнь проработал в Московском медицинском университете им.Сеченова, создал большую школу отечественных терапевтов. М.П Кончаловский скончался 29 ноября 1942 года, похоронен на Новодевичьем кладбище.

АБРИКОСОВ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ (1875-1955) был заведующим кафедрой патологической анатомией. Кафедра и секционные залы находились в отдельном здании, расположенном на окраине клинического городка медицинского университета. Разделяющий их переулок (бывший 2-ой клинический) называется теперь Абрикосовский переулок, где установлен его бюст.

А.И. Абрикосов читал лекции студентам относительно редко, ибо работал одновременно в Кремлевской больнице и в ряде других лечебных заведений. Он участвовал в бальзамировании тела Ленина, во вскрытии видных руководителей партии, правительства, крупных ученых. Алексей Иванович Абрикосов окончил в 1899 году медицинский факультет Московского университета. Там же начал работать на кафедре пат. анатомии с 1920 по 1953 г, а в 1944 по 1951 годам был одновременно директором Института нормальной и патологической морфологии Академии медицинских наук СССР. Его труды были посвящены различным проблемам

патологической анатомии и гистологии, в особенности туберкулеза и симпатической нервной системы. Он был редактором журнала „Архив патологии „, действительным членом АН и АМН СССР, а также ряда зарубежных академий, лауреатом Сталинской премии 1-ой степени, Во время так называемого „Дела врачей“ был отстранен от работы в Кремлевской больнице. Скончался А. И. Абрикосов 9 апреля 1955 года, похоронен на Новодевичьем кладбище.

Жена Абрикосова Фаина Давидовна Вульф заведовала в разное время патологоанатомическим отделением ряда больниц г.Москвы, умерла в 1965 году.

Их сын Алексей Алексеевич Абрикосов является лауреатом Нобелевской премии в области физики, академиком РАН.

ЖОРОВ ИСААК СОЛОМОНОВИЧ (1898-1976) заведовал кафедрой оперативной хирургии. Мне посчастливилось слушать его лекции на пятом курсе, Жоров был высоким красивым мужчиной с густыми седыми волосами, Его лекции были всегда интересны и содержательны. После студенческой поры мне довелось встретиться с проф. Жоровым в 1943 году на конференции врачей 1 — го Белорусского фронта. С начала войны Исаак Соломонович, как мне стало известно, был главным хирургом 31-ой, а затем 33 — ей Армии, которая под Вязьмой попала в окружение. Мне довелось видеть немало бойцов и офицеров, которым удалось с большим трудом выбраться из вражеского окружения — изможденных, голодных, в рванной гражданской или воинской одежде без погон. Проф. Жоров сумел организовать в тылу врага госпиталь для местных жителей и пленных, установить контакт с партизанами, способствовать нелегальному переходу военнослужащих через линию фронта. После освобождения этого района Красной Армией И.С. Жоров, как и многие другие выходцы из окружения, подвергся детальному допросу в органах НКВД. Я видел Жорова на фронтовой конференции 1943 года еще без погон. В начале 1945 года я вновь увидел проф. Жорова, уже в звании полковника мед. службы и в должности главного хирурга эвакогоспиталей 1-го Белорусского фронта, на очередной конференции врачей. Я осмелился подойти к нему, представился его учеником и рассказал ему о проводимых мною наблюдениях по лечению раненных в грудную клетку. Он одобрил проводимую мною работу, дал ряд советов, пообещал помочь после войны по оформлению кандидатской диссертации. Профессор И.С. Жоров сдержал свое слово. Когда я после демобилизации из армии обратился к нему, он согласился быть научным руководителем моей диссертации, которую я защитил на Ученом совете 1-го Московского мед. института в 1947 г.

Исаак Соломонович родился в семье ремесленника 1 мая 1898 года в Могилеве. Вступив в Красную Армию, он участвовал в гражданской войне. После окончания медицинского факультета МГУ в 1921 году он был научным сотрудником, затем ассистентом кафедры пропедевтической хирургической клиники. Одновременно он работал консультантом — хирургом во многих московских больницах. В конце 20— х годов он был направлен на учебу— совершенствование в Германию, где защитил докторскую диссертацию на немецком языке. С 1931 года он работал доцентом, а затем заведующим кафедрой оперативной хирургии и топографической анатомии 1-го Московского мед.института.

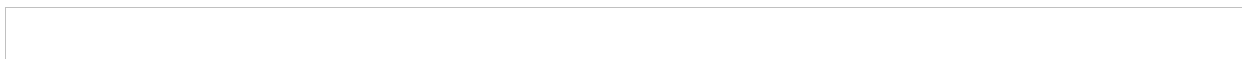
В период сталинских репрессий 1950-1953 годов по всей стране проходили собрания с осуждением «врачей — вредителей». На одном из собраний в 1-ом МОЛМИ проф. Жоров выступил в защиту осужденных, отметив, что арестованные профессора были гордостью советской науки. Вскоре он был арестован. Ходатайства об его освобождении маршалов Г.К. Жукова и К.К. Рокоссовского были безрезультатны и Жоров провел в тюрьме почти два года. Только после смерти Сталина, он был реабилитирован и восстановлен в должности зав. кафедрой института.

Научная деятельность проф. Жорова посвящена вопросам военно-полевой хирургии и анестезиологии, особенно в области неингаляционного наркоза. Он был основателем школы анестезиологов. Под его руководством было выполнено 19 докторских и 55 кандидатских диссертаций. Он был награжден многими орденами и медалями, удостоен звания заслуженный деятель науки РСФСР, состоял почетным членом целого ряда зарубежных научных обществ (Великобритании, Ирландии, Чехословакии, Германии и др.)

Скончался Исаак Соломонович 17 апреля 1976 года, похоронен на Новодевичьем кладбище.

Мне приходилось бывать дома у проф. Жорова, видеть его жену и детей. Тогда я не знал, что его жена, акушер — гинеколог по профессии, профессор, Елена Петровна Романова, является княгиней и прямым потомком царской семьи. Сын Владимир был профессором, работал в области онкологии, имел почётное звание „заслуженный изобретатель России“. Умер в 2002 году. Его дочь Ирина, врач — кардиолог, с детства страдала тяжелым диабетом, скончалась в возрасте 45 лет в 1985 году.

ЗБАРСКИЙ БОРИС ИЛЬИЧ (1885-1954) заведовал кафедрой биохимии, которую преподавали на втором курсе. Я слушал его лекции в 1938/1939 годах. Кроме основного содержания этой интересной науки, мне запомнился рассказ профессора о бальзамировании тела В.И. Ленина. После смерти вождя в январе 1924 г., Збарского и других специалистов вызвали в ЦК КПСС. Им предложили найти способ сохранения тела хотя бы в течении двух недель, ибо желающих проститься с Лениным было очень много — тысячи людей стояли в очереди перед Колонным залом.

Збарским и харьковским анатомом В.П. Воробьевым был предложен оригинальный метод длительного сохранения трупа, чтобы он не превратился в мумию подобно египетским фараонам. В дальнейшем была создана специальная научная лаборатория при мавзолее для сохранения тела Ленина. Когда профессор сказал дословно следующие: „Теперь это дело переживет нас с вами“, мне показалось тогда это преувеличением. Теперь я понимаю, что он был прав. Я два года проработал в научном кружке этой кафедры, овладевая методиками биохимических исследований, Студенты обычно мало интересуются биографией своих учителей, Позднее я узнал интересные сведения о жизни В.И. Збарского. Кстати, практические занятия нашей

студенческой группы вел сын профессора — Илья Борисович Збарский. В дальнейшем он сам стал профессором, академиком РАМН, Умер он в 2007 году в возрасте 94 лет.

Борис Ильич Збарский принимал активное участие в революционной борьбе в России. Из-за полицейского преследования должен был эмигрировать за границу. В 1911 году окончил физико-математический факультет Женевского университета, работал в лаборатории Баха, под руководством которого защитил докторскую диссертацию. В 1912 году он вернулся в Россию, где экстерно сдал экзамен в Петербургском университете. Во время Первой мировой войны организовал производство формалина, а в последствии и хлороформа. С 1915 года Збарский управлял заводом на Урале, где одним из его помощников был будущий поэт Борис Пастернак. Збарский участвовал в организации физико-химического института имени Карпова в Москве, а в последствии был избран заведующим кафедрой биохимии 1-го Московского мед. института. Несмотря на то, что он был награжден орденами Ленина, был руководителем мавзолея и академиком АМН СССР и имел другие заслуги, в 1952 году его арестовали, В тюрьме он провел полтора года, а после смерти Сталина был полностью реабилитирован, как и другие обвиняемые по „делу врачей“.

Умер Борис Ильич Збарский 7 октября 1954 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

СЕМАШКО НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1874-1949) в мои студенческие годы был заведующим кафедрой социальной гигиены и организации здравоохранения.

Его имя известно широкой публике больше, чем имена описанных выше профессоров, ибо он был видным деятелем большевистской партии и организатором здравоохранения. Мне вспоминается рассказ Н.А. Семашко о жизни большевиков в эмиграции, их журналисткой и политической деятельности. Особенный интерес представляли рассказы Семашко о его встречах с В.И. Лениным. По словам Семашко, Владимир Ильич возражал против участкового принципа организации медицинской помощи в стране. Он говорил: „А если пациент захочет обратиться не к участковому, а к другому врачу, разве он не имеет на это право?“. Однако Семашко, как первому нарккому здравоохранения молодой республики, удалось убедить Председателя Совнаркома Ленина о преимуществе участкового принципа организации здравоохранения, что сохраняется в основном и поныне. Николай Александрович Семашко родился 8 сентября 1874 года в селе Ливенское Орловской губернии. Его мать была сестрой известного марксиста Г.В. Плеханова. После окончания гимназии Н.А. Семашко поступил в 1891 году на медицинский факультет Московского университета. В 1895 году за участие в революционном движении был арестован и исключен из университета. Позже ему удалось продолжить учебу и в 1901 году окончить Казанский университет. Николай Александрович работал врачом в Орловской и Самарской губерниях. Одновременно он участвовал в революционном движении, был арестован, а затем, в 1906 году эмигрировал в Швейцарию, жил в Женеве, где встретился с Владимиром Лениным. Вместе с группой большевиков он переехал в 1908 году в Париж. В сентябре 1917 года Семашко возвратился в Москву, активно участвовал в Октябрьской Революции, организовывал

медицинскую помощь ее участникам. С 1918 по 1930 год был наркомом здравоохранения РСФСР. Семашко заложил основы советского здравоохранения, создал систему охраны материнства и младенчества, сеть научно-исследовательских и медицинских институтов. По его инициативе в Москве были созданы Институт питания, а также Институт организации здравоохранения и истории медицины, носящий ныне его имя. С 1921 года до самой своей кончины Николай Александрович возглавлял кафедру социальной гигиены медицинского факультета Московского университета. Он был инициатором создания Центральной медицинской библиотеки, Дома ученых, был редактором Большой медицинской энциклопедии, первым председателем Высшего совета по делам физической культуры и спорта, а также председателем Всесоюзного гигиенического общества.

Действительный член АМН СССР, профессор Николай Александрович Семашко скончался 18 мая 1949 года, похоронен на Новодевичьем кладбище. Имя Семашко присвоено многим больницам, институтам, улицам Москвы, Петербурга и многих других городов.

СЕПП ЕВГЕНИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ (1878–1957) заведовал кафедрой нервных болезней. Кафедра располагалась в отдалении от основного клинического городка университета, на улице известного невропатолога и революционера Г.И. Россолимо. Евгений Константинович не только возглавлял кафедру и клинику, но и лично руководил студенческим научным кружком при кафедре.

Я был членом этого кружка, как только приступил к изучению нервных болезней. При первом же знакомстве со мной, он спросил у меня, не был ли мой отец учёным секретарём ГУСа. ГУС (государственный учёный совет) руководил в первые годы советской власти как образованием, так и наукой в стране. Я подтвердил, что Михаил Генрихович Ногаллер действительно мой отец и что он находится сейчас в больнице для хроников (современное название «Хоспис»). Е. К. Сепп знал, что отец перенёс эпидемический энцефалит с развитием позднее паркинсонизма. Профессор Серр сказал, что он хорошо знал отца, так как он был сам членом ГУС. Когда отец умер, я спросил Евгения Константиновича, представляет ли интерес для науки мозг покойного. Он ответил, что паркинсонизм уже достаточно изучен, а вот, то, что у отца была на удивление хорошая память, заслуживает внимания. Он рассказал мне, что удивлялся способности моего отца удерживать в памяти все высказывания участников совещания, а потом диктовать их с большой точностью секретарше. Из-за выраженного тремора рук сам он записывать услышанные высказывания был не в состоянии. Проф. Сепп предложил направить мозг покойного в Институт мозга для изучения особенностей его мозга и написал соответствующее направление. С этим направлением, прямо из секционной, я привёз в соответствующей упаковке мозг отца в Институт мозга. Позже я узнал, что проф. Сеппа особенно интересовали анатомо-физиологические особенности центральной нервной системы.

В качестве темы моей научной работы в студенческом кружке проф. Сепп предложил изучить антитоксическую функцию печени популярной тогда пробой Квика. Эту работу я проводил, как

упоминалось уже выше, в клинике Н.Н.Бурденко. Во время одного из заседаний нашего научного кружка, когда один из студентов нудным голосом читал свой доклад, я заметил, что Евгений Константинович сидит с закрытыми глазами и как-будто дремлет. Однако позже, он сделал интересные дополнения к докладу студента. Я подумал тогда, что нелегко быть профессором, ибо приходится в течении дня читать лекции, делать обходы больных в палатах, а вечером снова заниматься со студентами.

Евгений Константинович Сепп родился 17 сентября 1878 года в Воронежской губернии. В 1904 году он окончил медицинский факультет Московского университета и приступил к работе в клинике нервных болезней. Его учителем был известный невропатолог В.К. Рот. В 1913 году он защитил докторскую диссертацию и получил звание профессора. С 1929 года и до кончины в 1957 г. руководил клиникой и кафедрой нервных болезней первого Московского медицинского института им.Сеченова. Научные работы проф.Сеппа были посвящены военной травме мозга, посттравматической эпилепсии и нейротравматологии, патофизиологии нервной системы. Основной труд Евгения Константиновича — „История развития нервной системы позвоночных от бесчерепных до человека“. Он был награжден орденом Ленина, медалями, был избран академиком АМН СССР с момента её образования в 1944 году.

ШАТЕРНИКОВ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ (1870–1939) заведовал кафедрой нормальной физиологии. Мы, студенты, знали, что он является крупным учёным и учеником (а по слухам даже зятем) самого Ивана Михайловича Сеченова (1829-1904). Шатерников боготворил Сеченова и недолюбливал академика И.П. Павлова. Старшекурсники рекомендовали нам при сдаче экзаменов Шатерникову обязательно упомянуть Сеченова как основоположника науки физиологии. Наоборот, если попадался экзаменационный билет с вопросом о работах И.П.Павлова, рекомендовалось кратко упомянуть его заслуги в области физиологии пищеварения и подчеркнуть приоритет Сеченова в разработках теории рефлексов нервной системы. Мне не довелось сдавать экзамены проф. Шатерникову, который к тому времени был тяжело болен.

Я часто контактировал с профессором Валерием Андреевичем Шатерниковым, внучатым племянником Михаила Николаевича. В.А. Шатерников (1930-1986) был также известным физиологом, директором института питания АМН СССР (в котором я работал в первые послевоенные годы). Валерий Андреевич был дружелюбным, симпатичным человеком, приятным в общении. К большому сожалению, Валерий Андреевич скончался внезапно, сидя в кресле перед телевизором в возрасте 56-ти лет.

Михаил Николаевич Шатерников родился в Москве, в 1896 году окончил медицинский факультет университета. В течении 22-х лет, с 1917 года и до своей кончины в 1939 году, М.Н. Шатерников заведовал кафедрой нормальной физиологии университета — 1-го Московского Мед.института им.Сеченова. Научные работы М.Н. Шатерникова были посвящены физиологии зрения, обмена веществ, газового обмена и органов дыхания (камера Шатерникова).

ХАЛАТОВ СЕМЁН СЕРГЕЕВИЧ (1884-1951) заведовал кафедрой патологической физиологии. Он был выдающимся учёным, но не обладал ораторским мастерством. Невысокого роста, погруженный в свои мысли, он говорил тихим голосом, без должного контакта с аудиторией.

Вспоминается такой эпизод. С.С.Халатов, читая лекцию, водил указкой по таблице, висевшей на стене. Таблица упала на пол, но Халатов продолжал водить по ней указкой, нечетко выговаривая слова. Спустя какое — то время, один из студентов подбежал к упавшей таблице и повесил её на место, а Халатов продолжал монотонным голосом свою лекцию. Нередко лекции по патофизиологии читала доцент кафедры Нина Павловна Шутова, которая впоследствии сама стала профессором и заведующей этой кафедры. Мне она запомнилась, поскольку именно ей я сдавал экзамен на третьем курсе.

Семён Сергеевич Халатов известен в науке, как автор холестериновой теории патогенеза атеросклероза. Ещё в 1912 году в опытах на кроликах он доказал решающую роль холестерина в развитии склероза сосудов. Полученная Халатовым, а затем разработанная Н. Н. Аничковым экспериментальная модель атеросклероза стала основой дальнейших исследований по этой проблеме. Ещё Халатов показал, что наибольшее значение в развитии атеросклероза имеет холестерин, образующийся в самом организме в процессе метаболизма веществ. Поэтому не вполне оправданным является популярное сейчас строгое ограничение приёма холестерина с пищей, ибо эндогенное образование холестерина, на что указывал ещё Халатов, во много раз превышает его поступление в организм с пищей.

Известны также научные работы Халатова в области эндокринологии и геронтологии. Кафедрой патофизиологии мед.института он заведовал с 1929 по 1947 год. При кафедре им была организована впервые в институте научно-исследовательская лаборатория. Заслуженный деятель науки проф.С.С.Халатов руководил также лабораториями в Кожно-венерологическом институте и Институте онкологии в Москве.

ЧАСТЬ 2. ПРОФЕССОРА, С КОТОРЫМИ МНЕ ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ КОНТАКТИРОВАТЬ МОЛОДЫМ ВРАЧОМ

В послевоенные годы мне довелось нередко контактировать с известными терапевтами, профессорами Московского медицинского университета: Е.М. Тареевым (который был консультантом моей докторской диссертации), В.Н. Виноградовым, В.Х. Василенко, З.А. Бондарь, Н.М. Кончаловской, И.Е.Тареевой, но это могло бы быть темой отдельной статьи. Хорошо, когда память об учителях остается в душе и сердце их учеников.

ТАРЕЕВ ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ (1895-1986) заведовал кафедрой терапии и профессиональных заболеваний санитарно-гигиенического факультета мед.института. С проф. Тареевым меня познакомил в 1958 году профессор Василий Фёдорович Черваков, зав.кафедрой судебной медицины института, который у меня лечился в Эссентукской клинике, где я работал с 1951 по 1959 год. К тому времени я уже собрал материал для докторской диссертации о курортном лечении для больных хроническим бескаменным холециститом. Я просил, чтобы Евгений Михайлович был моим научным консультантом. Е.М. Тареев бегло просмотрел представленный мною первоначальный вариант диссертации и прикрепил меня к профессору кафедры Зинаиде Адамовне Бондарь. При этом он добавил, что может быть руководителем только уже полностью подготовленной диссертации. Кафедра Тареева размещалась тогда в Ново-Екатерининской больнице (больница номер 24), а впоследствии — в новом здании на улице

Россолимо. Я часто навещал клинику Тареева, расположенную в центре города, на углу Страстного бульвара и улицы Петровка. Во время моих посещений клиники я познакомился и подружился со многими её сотрудниками, в особенности с Маргаритой Ефимовной Семендяевой и Зинаидой Георгиевной Апросиной, в будущем также ставшими профессорами. При содействии Евгения Михайловича Тареева я успешно защитил докторскую диссертацию на ученом совете 1-го Московского мед.института в 1960 году.

Е.М. Тареев обладал энциклопедическими знаниями, владел многими иностранными языками, был знаком с новинками мировой литературы, впервые в стране ввёл представление о периодической и лекарственной болезнях. В то же время он скромно оценивал свою деятельность как лечащего врача. Так, при мне он как-то сказал: «хороший врач должен быть психологом, уметь вызвать доверие к его рекомендациям, быть красноречивым — всем этим я не обладаю». Я часто консультировался с Евгением Михайловичем при подготовке своих книг к изданию, общался с ним как в клинике, так и дома на Кутузовском проспекте. Вспоминается следующий эпизод. Как-то в разговоре с ним я привёл латинскую поговорку „Omne nimium nocet — всё излишнее вредит“. Тареев предложил мне написать эту поговорку по-латыни. Он тут же пошёл в другую комнату, достал из шкафов один из многочисленных справочников и проверил правильность написанного мною выражения. Из этого я заключил, насколько глубоко и вдумчиво он оценивает всю получаемую информацию. Я благодарен Евгению Михайловичу и за то, что он дал мне хорошую характеристику, когда я избирался по конкурсу на должность зав.кафедрой терапии Рязанского мед.института им. Павлова в 1967 году. До этого я работал с 1959 года зав.кафедрой терапии Астраханского мед.института.

Е.М.Тареев родился в 1895 году в городе Псков в семье известного философа-богослова, профессора Московской Духовной Академии. В 1917 году Евгений Михайлович окончил мед. факультет Московского университета, после чего работал участковым терапевтом. С апреля 1918 года он работал ординатором, затем ассистентом в госпитальной и факультетской терапевтических клиниках университета. В 1936-1950 гг. — заведующий кафедрой факультетской терапии 3-го Медицинского института Министерства здравоохранения РСФСР (впоследствии Рязанский медицинский институт) и одновременно (1945-1951) директор 1-й терапевтической клиники МОНИКИ. С 1950 года и до смерти в 1986 году — заведующий кафедрой терапии и профзаболеваний санитарно-гигиенического факультета 1-го Московского Медицинского института. На здании клиники была установлена мемориальная доска памяти Е.М. Тареева.

Научные исследования Е.М. Тареева и его сотрудников были чрезвычайно разнообразны и касались всех разделов внутренней медицины. Особенно велик вклад Е.М.Тареева в изучение проблем нефрологии, паразитологии, гепатологии, ревматологии, патологии сердечно-сосудистой системы. Большой популярностью пользовался его учебник «Внутренние болезни». Многие его ученики стали впоследствии профессорами, руководителями кафедр и институтов. Он был консультантом Кремлевской больницы и других лечебных учреждений, был лично знаком со многими известными деятелями науки и искусства. Евгений Михайлович был создателем и

многолетним председателем Всероссийского научного общества терапевтов, членом и почетным членом многих зарубежных медицинских обществ и академий. Заслуженный деятель науки РСФСР, академик АМН СССР проф. Е.М. Тареев был награжден 3 орденами Ленина, Ленинской, Сталинской и Государственной премиями, почетным званием Героя Социалистического Труда. Похорен Евгений Михайлович Тареев на Новодевичьем кладбище.

БОНДАРЬ ЗИНАИДА АДАМОВНА (1907-1980) была профессором на кафедрах Е.М. Тареева и В.Н. Виноградова, а затем заведующей кафедрой факультетской терапии первого ММИ им.Сеченова. Зинаида Адамовна была высокой, энергичной, очень деловой женщиной. Не обремененная семьей, она любила путешествовать, часто выезжала в командировки. Меня представил ей Е.М. Тареев в 1958 году. Она не только помогла мне в окончательном оформлении докторской диссертации, но и консультировала подготовленные к изданию монографии, „Заболевания желчного пузыря и желчных путей“ (1969) и „Диагностика и лечение хронических заболеваний органов пищеварения“ (1966).

Зинаида Адамовна приезжала и выступала с докладом на научных конференциях, которые я организовывал в Астрахани и Рязани. С ней у меня установились не только деловые, но и добрые, дружественные отношения. Вспоминается ее приезд вместе с профессором Георгием Павловичем Шульцевым в Рязань в начале 70-х годов. После ознакомления с достопримечательностями города и его окрестностями мы выехали на родину Сергея Есенина в село Константиново. Зинаида Адамовна по окончании мед.института по распределению работала там сельским врачом и ей хотелось посетить знакомые есенинские места, побывать в его музее. Она рассказывала, что часто встречалась с матерью Есенина, которая говорила ей, что, „Сергей был хорошим, добрым сыном, но непутевым“. В то время произведения Есенина были запрещены, существовал даже термин, „есенинщина“, под которым подразумевались депрессия, сомнения в построении социализма в стране, самоубийства.

Зинаида Адамовна Бондарь родилась 1 декабря 1907 года в городе Барановичи в рабочей семье. В 1930 году она закончила институт физической культуры в Москве, а затем и медицинский институт в 1938 году. Вся дальнейшая творческая деятельность З.А.Бондарь связана с 1-м ММИ им. Сеченова, где она прошла путь от аспиранта и ассистента до профессора, а затем зав.кафедрой факультетской терапии (с 1964 года). Во время Великой Отечественной Войны она была врачом, а затем начальником терапевтического отделения полевого передвижного госпиталя. Научные работы З.А. Бондарь были посвящены преимущественно вопросам гепатологии и гастроэнтерологии. Она была также активным общественным деятелем, некоторое время работала в отделе здравоохранения ЦК КПСС. Плодотворная деятельность З.А.Бондарь была отмечена орденами Отечественной войны 1 и 2 степени, двумя Орденами Трудового Красного знамени; ей было присвоено звание заслуженного деятеля науки, она была избрана членкором АМН СССР. Скончалась Зинаида Адамовна 21 января 1980 года. Глубокое уважение и благодарность к ней сохранились у меня на всю жизнь.

ВИНОГРАДОВ ВЛАДИМИР НИКИТИЧ (1882-1964) заведовал кафедрой факультетской терапии, был председателем Всесоюзного научного общества терапевтов. Когда я впервые подошел к кабинету В.Н.Виноградова, меня удивила надпись на двери „Директор клиники“, тогда как обычно писали „Заведующий кафедрой“. Действительно, в клинике В.Н.Виноградова существовали кроме больничных палат многочисленные лаборатории: электрофизиологическая, радиологическая, кабинет функциональной диагностики, эндоскопии и др. Эта клиника была ведущей терапевтической клиникой в стране.

Мне не довелось много общаться с Владимиром Никитичем, но с его сыном Владимиром (Волей, как его называли студенты и друзья) я часто встречался и дружил в студенческие и первые послевоенные годы. Владимир Владимирович Виноградов стал в дальнейшем крупным хирургом, работал в Институте гематологии, а затем заведовал кафедрой в Университете дружбы народов им.Лумумбы. К сожалению, он умер в относительно молодом возрасте — 66-ти лет.

Мне не довелось слушать лекции проф. В.Н.Виноградова, но я часто слушал его доклады и выступления на заседании московского общества терапевтов. Владимир Никитич Виноградов не обладал красноречием, часто употреблял слова-паразиты, «куце», так что недоброжелатели называли его за глаза «Куций». Однако лекции его были очень содержательны, всегда сопровождалась демонстрацией больных. Его авторитет как лечащего врача был очень высок. При осмотре больных, особенно на частном приёме, он был очень внимателен и деловит. Невольно вспоминаются слова А.П. Чехова, обращенные к его издателю: „Когда будете в Москве, обратитесь к профессору Г.А.Захарьину. Он возьмёт с Вас 100 рублей, но даст советов минимум на 1000“. Вероятно, В.Н.Виноградов следовал давней традиции знаменитых московских врачей. Проф.В.Н. Виноградов приглашался в качестве консультанта во многие лечебные учреждения Москвы, был главным терапевтом Кремлёвской больницы и личным врачом И.В.Сталина. В ноябре 1952 года он был арестован и обвинён во вредительстве, шпионаже, убийстве видных деятелей страны. После смерти Сталина, в апреле 1953 года он был полностью реабилитирован и тут же вернулся на работу в факультетскую терапевтическую клинику, которой он заведовал с 1943 года. В.Н. Виноградов, как и бывший начальник 4 ГЛАВУПРа МЗ — Кремлёвской больницы Пётр Иванович Егоров (во время войны главный терапевт Западного фронта, которого я видел на конференции врачей) был одним из немногих русских профессоров, арестованных во время антисемитской послевоенной кампании „врачей-убийц“.

Мне рассказывала впоследствии моя тётя, Евгения Наумовна Лившиц, которая была врачом-педиатром Кремлёвской больницы, лечила детей многих видных деятелей страны и была арестована в 1951 году, что заключенным были известны слова В.Н. Виноградова, когда его пытали в тюрьме и добивались признания вины. Он якобы говорил: „Я готов подписаться, что я являюсь американским, английским или каким угодно шпионом, только не бейте меня. Я старый человек, лучше убейте сразу“.

Научно-педагогическая деятельность В.Н.Виноградова, как до, так и после ареста, была весьма многогранной. Он был терапевтом широкого профиля. Основные его работы были посвящены

ранней диагностике рака, туберкулёзу лёгких и почек, проблеме сепсиса в клинике внутренних болезней, сердечно-сосудистым заболеваниям, болезням органов пищеварения, раневой инфекции. Ещё во время русско-японской войны, в которой он принимал участие в качестве фельдшера, В.Н. Виноградов был награжден Георгиевским крестом 4-ой степени. Дальнейшая творческая деятельность В.Н. Виноградова была отмечена присвоением званий Заслуженного деятеля науки, академика АМН СССР, Героя Социалистического Труда (1957), Государственной премии СССР (1969 посмертно), пятью Орденами Ленина, Орденом Трудового красного Знамени, медалями. Скончался Владимир Никитич Виноградов 29 июля 1964 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

ВОВСИ МИРОН СЕМЁНОВИЧ (1897-1960) заведовал кафедрой терапии Центрального института усовершенствования врачей (ЦИУ). На этой кафедре обучались и повышали свою квалификацию врачи-терапевты со всей страны. Во время Отечественной войны М.С. Вовси был Главным терапевтом Красной Армии. Я нередко слушал доклады и выступления М.С. Вовси на заседаниях московского терапевтического общества, которые проходили в анатомической аудитории первого МОЛМИ на Моховой улице. Вначале обращало на себя внимание своеобразный акцент оратора, но затем это забывалось и слушателей увлекало интересное, глубокое содержание, суть выступления. Когда впервые, в 1953 году, Мирон Семёнович Вовси после освобождения из тюремного заключения появился в президиуме заседания терапевтического общества, все присутствующие стоя приветствовали его аплодисментами.

Родился Мирон Семёнович 12 мая 1897 года в местечке Креславль Витебской губернии. Его двоюродным братом был народный артист СССР, режиссёр Московского еврейского театра С.М. Михозэлс. С 1903 по 1913 год он учился в Рижском реальном училище. В 1914 году М.С. Вовси поступил на медицинский факультет Московского университета. В 1919 году Мирон Семёнович добровольцем вступил в Красную Армию, где служил врачом знаменитой Петроградской Пролетарской дивизии. С 1922 года он занимал должность ординатора, затем ассистента факультетской терапевтической клиники Московского университета. В 1928-1931 годах М.С. Вовси проходил стажировку в немецких клиниках, а по возвращении в Москву работал заведующим терапевтическим отделением Бассманной, затем Боткинской больниц. В 1935 году на базе больницы им.С.П. Боткина была организована кафедра усовершенствования врачей-терапевтов ЦИУ, которую возглавил М.С. Вовси. С этой кафедрой была связана вся его научно-педагогическая и лечебная деятельность.

В августе 1941 года он был назначен главным терапевтом военно-санитарного управления РККА. В должности главного терапевта всей Красной Армии в годы войны проф. Вовси проделал большую работу по организации лечебной помощи больным и раненым, по проведению фронтовых научных конференций, по разработке общих принципов военно-полевой терапии и изучению особенностей внутренних заболеваний у раненых. Он был одним из редакторов многотомного руководства „Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.“ Ему было присвоено звание генерал-майор медицинской службы, заслуженный деятель науки РСФСР, он был избран академиком АМН СССР, награждён многими орденами и медалями; он был главным редактором журнала „Клиническая медицина“ и др. М.С. Вовси был знаком или

даже являлся лечащим врачом многих видных деятелей страны. Несмотря на все свои заслуги, Мирон Семёнович Вовси был арестован и даже объявлен, главарём банды врачей-убийц, как об этом писали в то время советские газеты. В апреле 1953 года он был полностью реабилитирован, освобождён из заключения и тут же вернулся на работу в клинику.

Научные труды М.С. Вовси были посвящены преимущественно вопросам физиологии и патологии почек, лёгких, сердечно-сосудистой системы, вопросам военно-полевой терапии. Привожу выписку из письма бывшего начальника Генерального штаба советской армии, маршала Советского Союза А.М. Василевского к дочери Вовси:

„Мирон Семенович был и остается одним из самых дорогих для меня и всей нашей семьи человеком, которому мы были и остаемся сердечно привязаны, а также глубоко благодарны за его незабываемое внимание к нам, за ту огромную помощь, которую он своими познаниями и практическим опытом оказал мне в моей ответственной работе, за ту неоценимую помощь, которую он оказывал на протяжении всей войны нашим Вооруженным Силам. Я счастлив тем, что моя судьба так близко свела меня с таким замечательным, незабываемым человеком. Разве мы можем забыть хотя бы такие минуты, когда он за несколько недель до своей смерти нашел силы и возможность с забинтованной ногой принимать участие в консультации, когда я был тяжело болен, но, оказывается, не так тяжело, как был болен он“.

У Вовси была диагностирована саркома бедра. В какой степени эта злокачественная опухоль связана или не связана с перенесёнными в тюрьме побоями, сказать трудно. Скончался Мирон Семёнович Вовси 5 июня 1960 года. Похоронен на Новом Донском кладбище Москвы.

ВАСИЛЕНКО ВЛАДИМИР ХАРИТОНОВИЧ (1897-1987) заведовал в годы моего с ним знакомства кафедрой пропедевтики внутренних болезней 1 МОЛМИ. Он был председателем Всесоюзного научного общества гастроэнтерологов. Поскольку я заведовал такой же кафедрой в Рязанском мед.институте и занимался гастроэнтерологией, я довольно часто посещал клинику В.Х. Василенко, имел возможность с ним беседовать. Вспоминается такой эпизод. В 1980 году в журнале «Клиническая медицина», главным редактором которого был проф. Василенко, я зашел в кабинет Владимира Харитоновича и поблагодарил его за публикацию статьи в связи с моим 60-летием. Владимир Харитонович при этом заметил: „60 лет — что за возраст! Вот если бы было вам 160 лет, это было бы достойной датой“.

Академик АМН СССР проф. Василенко был приветлив и дружелюбен, прост и доступен в общении. Вообще нередко наблюдается закономерность, когда высококультурные люди, несмотря на занимаемую высокую должность и почётное звание, сохраняют простоту в общении с коллегами и подчиненными. И наоборот, некоторые люди становятся высокомерными при получении даже относительно небольшой власти и должности. О подобных людях еще А.С.Пушкин писал: „Других считаем мы нулями, а единицею себя“.

Вспоминается заседание московского научного общества терапевтов в мае или июне 1987 года, на котором поздравляли В.Х. Василенко с его 90-летием. В ответном выступлении Владимир Харитонович сказал следующее: „Я не виноват, что дожил до 90 лет. Я всю жизнь много трудился. Как все люди, я имел немало забот и огорчений, был на фронте“. К большому сожалению, уже в декабре того же года В.Х. Василенко скончался.

Владимир Харитонович Василенко родился 25 мая (по старому стилю) 1897 года в Киеве. Там же окончил в 1917 году гимназию, а в 1922 году — мед. факультет университета. В течении 12-ти лет он прошел путь от ординатора до профессора кафедры факультетской терапии. В 1935 году Василенко был избран заведующим кафедрой терапии Киевского института усовершенствования врачей. С 1943 года находился в действующей армии на фронтах в качестве главного терапевта Северо-Кавказского, а затем 1-го Украинского фронтов. В 1948 году по конкурсу его избрали заведующим кафедрой пропедевтики внутренних болезней 1-го Московского медицинского института имени И.М.Сеченова, где он работал до самой смерти. Он был консультантом в Кремлёвской больнице и был арестован в период „Дела врачей“.

Научные труды В.Х. Василенко были посвящены преимущественно заболеваниям органов кровообращения и пищеварения. Учебник «Пропедевтика внутренних болезней» под редакцией В.Х. Василенко был удостоен Государственной премии СССР в 1979 году. Заслуженный деятель науки, Герой Социалистического Труда, генерал - майор медицинской службы В.Х. Василенко был награждён тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й и 2-й степени, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов, медалями. Как уже отмечалось выше, Владимир Харитонович скончался в декабре 1987 года. Он был похоронен на Кунцевском кладбище в Москве.

ЧАСТЬ 3. ПРОФЕССОРА С КОТОРЫМИ РАБОТАЛ В КЛИНИКЕ

ПЕВЗНЕР МАНУИЛ ИСААКОВИЧ (1872-1952) заведовал клиникой лечебного питания Института питания АМН СССР и одновременно кафедрой гастроэнтерологии и диетотерапии ЦИУ (Центральный институт усовершенствования врачей). Я был принят в клинику на должность младшего научного сотрудника осенью 1946 г. вскоре после демобилизации из армии. Несмотря на то, что я окончил с отличием 1-й Московский мед. институт, был одним из первых Сталинских стипендиатов, прошел всю войну от Москвы до Берлина, награжден двумя боевыми орденами (Отечественной войны 2 — ой степени и Красной Звезды), меня не приняли ни в клиническую ординатуру, ни в аспирантуру Института терапии АММ СССР, ибо отдел кадров Академии забраковал мою кандидатуру. Уже тогда чувствовалась тенденция к волне антисемитизма в стране. Когда наш сосед Л. Ф. Линчер рекомендовал меня проф. М.И. Певзнеру, которому я показал черновик моей будущей кандидатской диссертации о ранениях грудной клетки, Мануил Исаакович направил меня к директору Института питания академику С.Е. Северину. Крупный ученый, известный биохимик Сергей Евгеньевич Северин принял меня весьма доброжелательно и тут же подписал приказ о приеме меня в штат клиники на должность

младшего научного сотрудника. В то время директор института имел право сам решать вопрос о приеме научных сотрудников, тогда как прием в аспирантуру и ординатуру решался только Управлением кадров Академии.

Мануил Исаакович был небольшого роста, худощав, говорил тихим, ровным голосом. Руководимая им клиника находилась в малопригодном для больницы 3-х этажном старинном здании в Большом Николоворобьинском переулке, в центре города. В палатах лежало по шесть-двенадцать больных, но в полуподвальном помещении располагалась физиологическая лаборатория, где проводились исследования на кроликах о влиянии различных пищевых диет. Аудиторией служила большая комната, в которой собирались врачи клиники и курсанты кафедры ЦИУ. Несмотря на плохие бытовые условия, авторитет клиники и самого проф. Певзнера как специалиста, был очень высок. В ней лечились многие деятели науки и искусства. Так, среди моих пациентов вспоминаются художник Николай Соколов (художники-карикатуристы КУКРЫНКСЫ — Куприянов, Крылов, Ник. Соколов — часто публиковались в газетах) и народный артист, один из ведущих актеров МХАТа, Марк Прудкин. Наряду с консультацией тяжелых больных в палатах, М.И. Певзнер часто практиковал „обход сидя“. Все врачи сидели на стульях в аудитории. За столом сидел проф. Певзнер, рядом стоял стул для больного, которого приводил и докладывал лечащий врач. Затем профессор подробно излагал особенности болезни у пациента и рекомендуемую диетотерапию. В клинике не назначались, как правило, медикаменты, чтобы изучать лечебное влияние различных диет „в чистом виде“.

М.И. Певзнер ко мне относился очень хорошо и даже поручил мне составить и уточнить библиографический указатель к его книге „Основы лечебного питания“ (1948 г.) За проделанный труд он меня щедро вознаграждал. Когда из Минздрава пришло распоряжение направить врача на борьбу с эпидемией малярии в Молдавии, многие молодые сотрудники находили причину отказа выехать, но я безприкословно выполнил просьбу Мануила Исааковича, хотя у меня уже были в то время жена и трехлетняя дочь.

В начале 1951 года меня пригласили в Министерство Здравоохранения и предложили переехать из Москвы в Пятигорский бальнеологический институт в качестве старшего научного сотрудника-диетолога. Я решил посоветоваться с проф. Певзнером. Он рекомендовал поехать, учитывая сложившуюся обстановку. В скором времени всех врачей-евреев клиники лишили работы, арестовали или отправили на пенсию, а в газетах объявили о „деле врачей — убийц“.

Мануил Исаакович родился 4 августа 1872 года. Окончив в 1900 г. медицинский факультет Московского университета, М.И. Певзнер работал в факультетской, а затем в госпитальной терапевтической клинике университета. Под руководством профессора В. Д. Шервинского он защитил докторскую диссертацию по проблеме септического эндокардита.

Еще в 20-х годах Певзнером были разработаны основные лечебные диеты, с успехом применяемые и в настоящее время.

М.И. Перзнер, заслуженный деятель науки РСФСР, проводил большую общественную и организационную работу по внедрению лечебного питания в практику здравоохранения. По его инициативе в нашей стране впервые в мире была создана широкая сеть диетических столовых в городах и на промышленных предприятиях, в санаториях и на курортах.

Умер Маниул Исаакович летом 1952 г. внезапно, от повторного инфаркта миокарда. После вечерней прогулки вблизи своего дома на улице Н.Н. Бурденко, жившего в том же доме профессор-медиков, Маниул Исаакович почувствовал себя плохо и, поднявшись к себе, скоропостижно скончался. Несомненно, спровоцировало развитие инфаркта известие о закрытии кафедры гастроэнтерологии и диетотерапии ЦИУ, а также вся обстановка в связи с так называемым „делом врачей“. Уже посмертно он был причислен к категории „врачей-убийц“.

ГОРДОН ОСИП ЛЬВОВИЧ (1898-1958) заведовал в клинике гастроэнтерологическим отделением. Он был прекрасным клиницистом и очень остроумным человеком. В 1922 году он окончил мед. факультет Московского университета. С 1931 года работал в клинике Института питания в Москве. Его книги о язвенной болезни, гастритах, болезням оперированного желудка пользовались большой популярностью. От проф. О.Л. Гордона я научился детальной методике обследования живота, в особенности глубокой пальпации и выявлению зон кожной гиперестезии Захарьина-Геда. Я довольно часто общался с ним, как в клинике так и дома, где он жил вблизи Тверской улицы. Позднее мы часто встречались на курортах Кавказских минеральных вод.

На профессорские обходы О.Л. Гордона приходили не только врачи его отделения, но и многие врачи других отделений клиники. Осип Львович детально обосновывал диагноз больного, объяснял механизм развития симптомов, патофизиологию компенсаторных регуляторных реакций организма. Его рассказ часто сопровождался шутками, остротами, глубокими и остроумными замечаниями, а иногда уместными к данному случаю анекдотами. Одна из клинических ординаторов специально носила с собой тетрадку, в которую записывала высказывания Осипа Львовича. Моя память за прошедшие шестьдесят с лишним лет немного сохранила из его шуток, но один из его любимых анекдотов хотелось привести:

„На золотой свадьбе мужа спросили, как им удалось столько лет прожить в мире и согласии. Муж ответил: мы с самого начала договорились, что все принципиальные вопросы решаю я, а вопросы повседневной, бытовой жизни решает она. Мужа спросили, какие принципиальные вопросы пришлось решать ему самому. Муж долго думал, а потом сказал: что-то не припомню“.

Осип Львович сам нащупал у себя в животе опухоль. При обследовании обнаружили ангиому брюшной полости, которую подтвердили на операции и частично удалили. Когда он вернулся на работу в клинику, одна из врачей спросила его: „Осип Львович, Вы не боялись, что умрете на операции?“. На этот вопрос О.Л. Гордон ответил со свойственным ему юмором: „Я знал, что не умру — Тамара (вторая его жена) еще не закончила моего воспитания“.

Вспоминается 60-летие со дня рождения Осипа Львовича. Он находился на лечении и отдыхе в санатории в Железноводске. Главврач от имени коллектива поздравил юбиляра и пожелал, как это принято, доброго здоровья и многих лет жизни. На это пожелание Осип Львович ответил:

„Спасибо. Я уже прожил много лет, мне бы еще немного прожить“. К сожалению, уже через несколько месяцев, в том же 1958 году, Осип Львович скорострительно скончался у себя дома.

БЕРЛИН ЛЕВ БОРИСОВИЧ (1896-1955) заведовал отделением патологии толстой кишки. Однако фактически в отделении лежали больные с гипертонической болезнью, которых в послевоенное время было очень много. Я работал в этом отделении восемь лет под руководством проф. Л.Б. Берлина. Лев Борисович почти ежедневно делал обходы в палатах. Меня как лечащего врача он иногда похваливал, иногда поругивал, но беззлобно. Проф. Берлин был автором книги о хронических колитах — этой патологией терапевты тогда мало интересовались. От проф. Берлина я научился дифференцировать хронический колит от дискинезии кишечника (сейчас популярен термин „синдром раздраженной толстой кишки“), от энтерита, тифлита, хронического аппендицита, мезаденита (мезентериального аденита) солярита и других близких заболеваний. При лечении гипертонической болезни использовались различные диеты — разгрузочные, яблочные и молочные дни, диета Харт-Сильвера, калиевая, магниевая и др. В разработке „магниевой“ диеты я принимал активное участие. Эта моя работа была в дальнейшем опубликована в журнале „Вопросы питания“. Я проработал с проф. Берлиным шесть лет, изучал также воздействие разных диет в эксперименте на кроликах под руководством проф.С.М. Лейтеса. У Льва Борисовича я научился правильному оформлению научных статей к печати. Л.Б.Берлин был награжден орденами Отечественной войны 1 степени и Красной Звезды, не состоял в КПСС.

Лев Борисович был человеком откровенным, незлопамятным, как говорится „что на уме, то и на языке“. Возможно это было одной из причин его ареста 27 января 1952 года. Ему приписали пресловутый параграф 58 — шпионаж, вредительство, антисоветские высказывания. Под влиянием пыток, истязаний, лишения ночного сна и т.п. он был вынужден подписать „признание своей вины“. В Интернете я нашел Протоколы следственной комиссии МВД, где приводится текст заключенного Л.Б.Берлина.

„Я признаю себя виновным в том, что работая с 1930 года и до дня ареста зав.отделением клиники лечебного питания Института питания АМН СССР, применял при лечении больных колитом, гепатитом и гипертонической болезнью порочную методику, заключающуюся в изолированном назначении этой категории больных только лечебного питания без сочетания его с рядом других весьма важных лечебных средств как лекарственных, так и физиотерпевтических“.

За эту „преступную деятельность“ Л.Б. Берлин, как и ряд сотрудников клиники, был осужден на 25 лет. К счастью, после смерти Сталина, следственная комиссия МГБ от 4 февраля 1954 года вынесла полностью оправдательный приговор, не найдя состава преступления. Лев Борисович вернулся на работу в клинику, но уже вскоре скончался (как и многие бывшие заключенные) в 1955 году, в возрасте 59 лет.

ЛИМЧЕР ЛЕОНИД ФЕДОРОВИЧ (1888-1952) руководил в клинике кардиологическим отделением. Высокий, голубоглазый, блондин Леонид Федорович происходил из российских немцев. Он был прекрасный врач. Руководитель клиники лечебного питания М.И. Певзнер

именно с ним консультировался по поводу своего здоровья. Л. Ф. Лимчер был участником многих полярных экспедиций тридцатых годов — на ледоколе „Георгий Седов“ и др. С Леонидом Федоровичем, его женой Ксенией Федоровной, детьми Андреем и Ольгой я был знаком с раннего детства, так как они тоже, как и наша семья, жили в Страстном монастыре, на Тверской улице в Москве. Женский Страстной монастырь был закрыт в 1920 году. Большинство монахинь уехали или были высланы из монастыря. Кельи и жилые здания были превращены в квартиры для советских служащих. Служба в церкви продолжалась ещё много лет и я хорошо помню хранящиеся под стеклом мощи святых, висящую скульптуру Христа, ноги которого целовали молящиеся. Мне запомнились Крёстный ход, Рождественская ёлка, нищие и калеки, просящие милостыню у входа в церковь. В конце тридцатых годов церковь была закрыта и превращена в антирелигиозный музей. В трапезной монастыря разместилась столовая студентов КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока), учебные помещения которого находились поблизости на Страстной площади. В обширных дворах монастыря дети зимой катались на санках, а летом играли в прятки, лапту, волейбол. Мальчишки лазали на крыши домов, на колокольню и толстые стены, отгораживающие монастырь от улиц города. Многие из этих друзей-мальчишек погибли во время войны. В 1937 году монастырь был полностью снесён при реконструкции столицы, на его месте построили кинотеатр «Россия» и создали площадь Пушкина, куда перенесли памятник поэта. До этого времени памятник Пушкину находился на бульваре, на противоположной стороне Тверской улицы. Андрей Лимчер был моим сверстником и однокурсником в мед. институте, я дружил с ним до последних дней его жизни.

Я изредка сопровождал Леонида Федоровича во время его консультативных приемов в поликлиниках Москвы. От него я научился правильно оценивать тоны и шумы сердца, дифференцировать различные формы пороков сердца и стенокардии. Мне посчастливилось, что молодые годы довелось работать с таким опытным врачом, каким был Леонид Федорович Лимчер.

ВИШНЕВСКИЙ АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ (1886-1984) был известным курортологом, научным руководителем-профессором Ессентукской клиники Бальнеологического института на Кавминводах. С ним я познакомился тогда, когда был переведен из Москвы в эту клинику в 1951 году. Условия в клинике были очень скромными, ибо она работала на базе обычного санатория. Позднее для клиники было выделено самостоятельное помещение. Помню, как радовался Александр Степанович, когда ему вместе со мной выделили отдельную комнату. До того у нас — работников клиники не было вообще никаких кабинетов. Проф. А.С. Вишневский консультировал больных в клинике и одновременно был профессором кафедры терапии и курортологии ЦИУ врачей, располагавшейся в Кисловодске. Александр Степанович читал лекции курсантам по гастроэнтерологии и бальнеологии. От него я узнал об основах курортологии, о минеральных водах — их внутреннем и наружном применении, о грязелечении и климатотерапии. Проф. Вишневский был скромным, но общительным человеком, живо интересовался художественной литературой и кинофильмами.

А.С. Вишневский окончил мед. факультет Томского университета. Затем он работал врачом-ординатором, а в 1937 году защитил диссертацию и через год ему было присвоено звание профессора. Он работал на кафедре Томского университета. С 1938 года он до самой смерти

работал в Пятигорском бальнеологическом институте. А.С.Вишневский был одним из основателей советской курортологии. Его научные работы были посвящены язвенной болезни, лечению огнестрельных ранений в годы войны, разработке методических основ курортного лечения заболеваний пищеварительного тракта.

Скончался А.С.Вишневский в Ессентуках, не дожив двух лет до своего столетия.

НЕЗЛИН ВЕНИАМИН ЕФИМОВИЧ (1894-1975) заведовал в годы моего пребывания на Кавминводах кафедрой терапии и курортологии ЦИУ врачей в Кисловодске. Кафедра располагалась на базе курортной больницы города. Проф. Незлина перевели туда из Москвы в 1951 году. Курсанты обучались в течении трех месяцев . В Кисловодске им преподавали преимущественно сердечно — сосудистые заболевания, болезни легких, климатотерапию в соответствии с профилем курорта. В Ессентуках проф. А.С. Вишневский читал им лекции по общей бальнеотерапии, о механизмах действия и лечебном влиянии минеральных вод и грязевых процедур. Я же проводил с курсантами практические занятия, демонстрируя гастроэнтерологических больных, обучая правильной методике их обследования, в том числе пальпации живота и печени. Кроме того, я знакомил курсантов со знаменитой ессентукской грязелечебницей, с питьевыми источниками 17, 4, 20, с Институтом механотерапии._

С Вениамином Ефимовичем я часто общался, как в Кисловодске так и в Ессентуках на кафедральных совещаниях, иногда посещал его лекции. Вениамин Ефимович был известным кардиологом, автором книг об электрокардиографии, о коронарной болезни и ревматических пороках сердца. Он был высокообразованным, уравновешенным человеком, приятным в общении, никогда не повышал голос.

В. Е. Незлин родился в селе Колышки, Витебской губернии в 1894 году. В 1919 году окончил мед. факультет Московского университета. В течении десяти лет служил врачом в Красной Армии. С 1930 года он работал ассистентом кафедры терапии во 2-ом Московском мед. институте. В 1939 году он защитил докторскую диссертацию. С начала Отечественной войны В.Е. Незлин был врачом Действующей Армии, был главным терапевтом Воронежского военного округа. После демобилизации он работал доцентом, потом профессором кафедры терапии ЦИУ в Москве. Его привлекали в качестве консультанта кардиолога в Кремлевскую больницу. В 1951 году проф. Незлина перевели на должность зав. кафедры терапии и бальнеологии в Кисловодск.

Когда в Москве началось пресловутое „дело врачей“, был арестован и проф. В.Е.Незлин.

Как было принято в то время в учреждениях, в которых работали арестованные профессора, проходили собрания сотрудников, на которых одобряли, „своевременное разоблачение подлых шпионов и убийц“. На проходившем в курортной больнице Кисловодска совместно с кафедрой общем собрании сотрудников, штатные ораторы выступили с гневным осуждением подлого врага, проникшего в наш коллектив. Большинство присутствующих предпочло помалкивать. Однако доцент кафедры Евгения Павловна Федорова сказала, примерно, следующее: „Здесь какая-то ошибка. Я знаю Вениамина Ефимовича около 20 лет по совместной работе в Москве. Он

мухи не обидит, не то чтобы участвовать в убийстве людей или шпионской деятельности. Его честность и порядочность всем известна“. В те времена подобное выступление было очень смелым шагом и могло повлечь за собой весьма печальные последствия. После реабилитации и освобождения Вениамин Ефимович работал на Кавминводах еще 7 лет. С 1960 по 1965 год проф. Незлин руководил терапевтическим отделением Института сердечно-сосудистой хирургии АМН СССР в Москве. Скончался Вениамин Ефимович в 1975 году.

На этом я заканчиваю свои воспоминания об учителях-профессорах. Можно было бы рассказать и о учениках-профессорах, которых было немало за сорок пять лет педагогической деятельности (из них 37 профессорской), но это уже отдельная тема.

ЭПИЛОГ

Описанные выше воспоминания о моих учителях-профессорах ни в коей мере не претендуют на изложение биографии и деятельности приведенных выше ученых. Человеческая память сохраняет чаще отдельные эпизоды из прошедшей жизни. Мне вспоминается встреча, которая произошла в вестибюле Министерства Здравоохранения РСФСР, в Москве, в конце 80-х годов, когда я около 30 лет проработал в качестве зав. терапевтической кафедрой мед. института. Ко мне обратился солидный, полный, седовласый мужчина, воскликнув: „Здравствуйте, Александр Михайлович. Вы меня не узнаете?“ Я признался, что не узнаю. Он сказал: „А я ваш бывший студент в Астраханском мед. институте“, и назвал свою фамилию. Затем он сообщил, что до сих пор помнит мои лекции. Я спросил, какие именно лекции он помнит. Про себя подумал, что скорее всего, это были лекции о болезни кишечника или печени, которые я читал с относительно большим вдохновением и более детально, чем излагают этот материал на других терапевтических кафедрах. Обычно я читал лекции ровным монотонным голосом, стараясь в максимальной степени изложить фактически материал, заботясь лишь о содержании, а не о форме. Позже мне студенты рассказывали, что подробно конспектировали весь излагаемый мною материал и это им очень помогало при подготовке к экзаменам. В тоже время у других профессоров, которые излагали более эмоционально, с прибаутками и отвлечениями от темы, записывать в конспекте было нечего. На мой вопрос собеседник, кстати уже доктор мед. наук, сказал: „Я помню, как Вы на лекции рассказывали о поездке в Индию и на остров Цейлон“. Усмехнувшись про себя, я подумал, что человеческая память сохраняет лишь фрагменты, несущественные детали, отдельные эпизоды, общее впечатление, а не обширный лекционный материал. Привожу этот эпизод как бы в оправдание своих отрывочных воспоминаний. Хорошо, когда у учеников сохраняется в памяти хоть какие-либо воспоминания о своих учителях.